

Глава 1

В середине августа дни очень жаркие. Ну да, абсолютная банальность, а я — полковник Очевидность. Полковник КГБ Очевидность. Лучше бы Никсон приехал в сентябре, когда прохлада, когда Москва уже забросана пачками желтых листьев, прибитых мелким, еще почти летним дождем. Тогда можно надеть легкую курточку вроде болоньевой ветровки, а под ветровку спрятать восьмисотграммовый «макаров».

Почему «макаров», а не какой-нибудь экзотичный забугорный пистолет или револьвер? Да потому, что я уверен в надежности этого пистолета, и потому, что в ближнем бою он выполняет свою функцию просто великолепно. Тупоносые девятимиллиметровые пули имеют отличное останавливающее действие, и при этом риск ранить случайную жертву пролетевшей через тело злодея пулей вовсе даже минимален. Кто-то скажет, что это утопия, — и это будет абсолютный дилетант. В моем мире, в моем времени уже давно идут разговоры о том, что необходимо перевооружить американскую полицию, перейти с «глока» на что-то подобное нашему «макарову». Не один случай и не два, когда мощный «глок» пробивал злодея навывлет и ра-

нил человека, стоящего позади. Потому даже стали требовать специальной тактики стрельбы — снизу вверх и даже от бедра. Так что... для полицейских операций нужен безопасный пистолет.

Почему я заговорил о пистолете? И о жарких днях? Да просто потому, что спрятать мне ствол некуда! И буду я рядом с Никсоном, как голый! То есть — без оружия. Семичастный на эту тему мне сказал, чтобы я дурью не маялся, что вокруг будут люди из «девятки», что «Омега» не дремлет, что на крышах снайперы сидят. И вообще — никто не решится на такой самоубийственный поступок, как покушение на высших руководителей двух стран. Потому мне надо не чудить, не холить и лелеять свою паранойю, а нормально, модно одеться, чтобы не выглядеть рядом с президентом США деревенским увальнем из глухой тверской деревушки.

Не знаю, чем ему тверские деревушки не угодили и мой вполне приличный наряд, только я категорически отказался надеть костюм, пошитый индивидуально для меня (кстати сказать, сидел на мне как влитой), и надел обычные свои легкие смесовые брюки и светлую рубашку. И никакого оружия.

А потом был обед или скорее ужин, на котором все говорили речи, в том числе и я. Как обычно, мне пришлось хорошенько постараться, толкая речугу, я не люблю скучных банальностей, я не люблю дежурных речей, канцелярских оборотов и съездовых нудностей. Если выступаю перед людьми — им должно быть интересно так же, как если бы они читали мою книгу.

В общем, я лицом в грязь не ударил. Взбодрил народ нашенский и американский. Американцы пря-

мо-таки прослезились. Как, впрочем, и наши. А может, мне показалось: горчица на столе была ядреная, наши-то знали, а вот американцы, привыкшие к своей, сладкой, попались в ловушку и потом утирали слезы.

На следующий день в апартаментах американского президента произошло награждение меня любимого. Долго ко мне ехала высшая награда США, но все-таки доехала. Вернее — одна из высших наград. У них, американов, для каждого рода деятельности своя высшая награда. Но есть еще и специальная, президентская Золотая медаль, она называется Золотая медаль свободы и приравняется к Золотой медали Конгресса.

Тут ведь какая фишка — медаль Конгресса вручает конгресс, в котором, как известно, куча всякого народишка, и этот народишко очень не любит «красных». А кто я такой? Русский, а значит, «красный». И какая мне медаль? Шиш, а не медаль! А вот медаль Свободы вручает сам президент, и это только в его компетенции. Он не спрашивает ни у кого разрешения, можно ли вручить эту награду. А между прочим, она полностью равна по своим, так сказать, плюшкам медали Конгресса. Только вручается гражданским лицам, как сказано: *«За внесение существенного вклада в безопасность и защиту национальных интересов США, в поддержание мира во всем мире, а также в общественную и культурную жизнь США и мира»*. Кто скажет, что я не внес вклада в общественную и культурную жизнь США, — пусть первый бросит в меня камень.

И вот еще что: разве сохранение жизни президента США не является защитой национальных ин-

тересов США? Еще как является! Как и налаживание связей между двумя странами, которые не так давно едва не ввязались в ядерную войну — Карибский кризис. Смягчение отношений, разрядка — это ли не вклад в безопасность? Вот пусть меня расстреляют тухлыми огурцами, если я не сознаюсь, что всегда подсознательно верил и верю, что Россия самая сильная в мире. И что, случись какой-то апокалипсис вроде ядерной войны, мы все равно выживем. Ибо упрямые. Ибо привыкли выживать в любых условиях. Нам не надо теплых сортиров, без которых мы не смогли бы воевать, мы в Отечественной войне поднялись тогда, когда весь мир думал, что нам конец. И, размешивая грязь дырявыми кирзачами, рванули на запад, да так, что этот самый мир ахнул и задергался — не дай бог пойдут дальше!

Кстати, частенько думал над этим и нередко сожалел, что Сталин не отдал приказа и наши армии не пошли по Европе. Вот тогда бы вся Евразия была советской! Иногда даже задумывался, а не написать ли альтернативку на эту тему? Что было бы, если бы наши войска — обстрелянные, умелые, вооруженные современным оружием того времени — пошли дальше? Они бы смели огненной метлой всех, кто посмел бы встать у них на дороге! В том числе и американцев, быстренько присоединившихся к дележке послевоенного пирога.

Красная Франция! Они ведь любители революций — вот вам и социализм. Ешьте, не обляпайтесь!

Красная Великобритания! Вот это просто мечта — «Англичанка гадит» — эта констатация факта актуальна и до конца двухтысячных годов. Она всегда гадит!

Я не любитель Сталина. Я вообще не склонен создавать себе кумиров — просто для этого слишком уж скептик и циник. Но надо отдать должное Отцу Наций — он пожалел русских солдат и не повел их на завоевание Евразии. Слишком многие бы тогда не вернулись из боя. Кстати, чем Сталин и отличается от Троцкого — тот, не задумываясь, кинул бы народы СССР в завоевательную войну. Все ради революции! Все ради светлого будущего! А на самом деле — для себя любимого, для себя, красного диктатора. Нет, все-таки хорошо, что главой СССР стал Сталин, а не Троцкий. Одному — созидание и благодарность потомков, другому — ледоруб. И это правильно.

Меня поставили посреди большой комнаты, толпа служащих президентского департамента выстроилась у стены, президент произнес небольшую речь, из которой явствовало, что я совсем молодец и мне бы надо три таких медали за мои заслуги, а не одну. Но пока вот — одну. И... красивая медаль, правда. В центре голубой кружок с золотыми звездами, лучи звезды белые. Подложка красная, ну и само собой — на золотой основе-решетке. Я почему-то думал, что эту награду прикалывают на одежду, но оказалось — ее вешают на шею, на голубой ленте.

А еще подумалось, что буду выглядеть очень глупо — простецкая рубашка, простецкие штаны и на шее вот такое украшение. Красивое, кстати, украшение!

И как оказалось — у него есть и фракный вариант, который прикалывается на костюм, — в отдельной коробочке, которую мне тут же вручили.

И еще — открытием стало, что степеней у этой награды две. Мне вручили самую высшую — «С отличием». В общем, почитай что аналог нашего «Героя». Хотя вот не хочу сравнивать — наш «Герой» выше всех, и все тут! Когда вижу человека с «Героем» на груди — хочется взять под козырек. Или поклониться. Это я про военного «Героя». Героя соцтруда иногда давали не тем людям, кому нужно было давать. Ну... мне так кажется.

Когда лента опускалась на мою шею, Никсон, лично вручавший награду, шепнул мне в ухо:

— Как там у вас, русских, говорят? Дай бог, не последняя?

— Вообще-то, это про рюмку водки, — автоматически поправил я, слегка ошеломленный производимым действием. Ну не каждый день ведь тебе вручают высшую награду США! Да еще и сам президент!

— Насчет водки — это поправимо, — усмехнулся Никсон. — Хотя я знаю, что ты не любитель выпивки. Но шампанского все равно выпить придется. Однако вначале ты должен произнести речь.

Опять речь! Да что за черт, а?! Меня уже тошнит от речей! Ведь я не могу толкать всякие банальности, мне надо что-то новое ляпнуть!

— Ну что я могу сказать... — начал я, оглядывая лица людей, набившихся в большую комнату. Их здесь было не менее полусотни.

— Что сказать, — продолжил, пытаясь уцепить мысль за хвост. — Это неожиданная и очень лестная для меня награда. На мой взгляд, я ее не заслуживаю. Но если президент решил — так тому и быть. Надеюсь, я отработаю этот аванс. Спасибо!

Ну не сказал бы, что совсем так уж свежо, но и не банально! Опять же, мне так кажется. Мне вообще часто «кажется». Я редко уверен в том, что всегда прав. Видимо, это один из признаков паранойи, развившейся и расцветшей буйным цветом в моей бурной, слишком бурной жизни.

Ну что же — зрители захлопали, а президент Никсон пожал мне руку, многозначительно глядя в глаза. Мол, отработаешь, точно! Выпью из тебя кровь! И ведь выпьет, если потребуется. В политике не до сантиментов. Вот только помочь я теперь едва ли смогу. Мои знания о будущем растаяли в вихре перемен, которые я же инициировал. События идут совсем по-другому, вся история теперь не будет прежней. Те, кто родился в эти годы, могут теперь и не родиться. А те, кто умер, могут и не умереть. Новые судьбы, новые люди. Весь мир стал совсем другим. Моя роль в нем резко уменьшилась. Или, опять же, мне только так кажется? Ведь агентом влияния я быть не перестал!

Выпили шампанского с бутербродами с черной икрой, предоставленными принимающей стороной. И кроме бутербродов было чем еще поживиться. Кстати сказать, я даже удивился — почему на вручении медали не было представителей СССР. Не удержался, задал этот вопрос Никсону. Тот совсем даже не удивился и пояснил, что вручение медали есть акт сугубо личный, даже интимный и касающийся только граждан США, и никого больше. Так что... не пригласили. Хотя шампанское и угощение гости попросили предоставить.

Впрочем, могли бы довольствоваться и теми запасами, что имелись в президентском самолете,

а также в посольстве США в СССР, но сочли, что это будет невежливо по отношению к принимающей стороне.

Честно сказать, я слегка запутался в этих хитро-сплетениях и хитровывертах дипломатических отношений, так что плюнул на все и перестал делать попытки разобраться в мотивации той или иной стороны. В конце концов, я никакой не дипломат, а обычный нормальный вояка, решающий проблемы с помощью грубой, очень грубой силы. И таким вот солдафоном и останусь — прошу любить и жаловать.

Церемония происходила утром, в девять часов, а в два часа дня был назначен прием в Кремле, где должны пройти переговоры между генеральным секретарем КПСС и президентом США. Слава богу, меня туда не позвали, и потому, вздохнув облегченно, я отправился... нет, не домой. Домой меня никто не отпускал. В свой номер, конечно. Вместе с Ольгой — само собой, она присутствовала на церемонии вручения.

В номере я наконец снял с себя высшую награду США, на которую ошеломленно косились охранники, наводнившие коридоры здания, и положил медаль в коробочку из сандалового дерева, из которой она ранее и была извлечена президентом Никсоном. Все. Если я и надену эту награду в будущем, то, скорее всего, не в СССР. Нечего гусей дразнить — ну как это, советский человек получает награду из рук президента вражеской страны! За что? Не за продажу ли Родины? Оптом и в розницу...

Но я ошибся. Награду мне все-таки пришлось надеть, и совсем скоро — через пять дней, когда

завершились переговоры и подписания договоров. По случаю окончания переговоров советское правительство закатило гигантский прием, на котором присутствовали лучшие люди страны — лауреаты премий, актеры, артисты и другие приглашенные лица. Ну и само собой — журналисты всех стран мира. Перед приемом — пресс-конференция. И вот я на ней.

«Душераздирающее зрелище!» — как сказал один киношный персонаж. Ну только представить — здоровенный детина с треугольной спиной, обтянутой черной тканью смокинга, белоснежная рубашка, лаковые полуботинки и... «бабочка»! Да-да, галстук-бабочка! Тоже черный. А поверх смокинга, на груди, — орден Ленина, «Золотая Звезда» Героя Советского Союза, значок лауреата Ленинской премии, и... как вишенка на торте... фрачная версия медали Свободы. Сказать, что на меня все косились, — это ничего не сказать.

«На выставке Ван Гога я — главный экспонат!» Глав правительств «щелкали» на фото потому, что так положено. Меня же — от души. Чуть не передрались за лучшее место, когда я важно шествовал в составе делегации СССР и потом, когда стоял со стороны Шелепина, пожимающего руку президенту Никсону.

А затем началась пресс-конференция. Никсон и Шелепин сидели на сцене, а журналисты из зала задавали им вопросы — все, как это делается за рубежом, и так, как это бывало в моем времени, в моем мире. Кстати — тоже дань новизне. До сих пор таких пресс-конференций на таком высшем уровне здесь не бывало. У меня даже возникло что-то вроде

дежавю — сколько раз я в своем мире видел подобные пресс-конференции, и не счесть! Заменить Шелепина и Никсона на Трампа и Путина — вот тебе и будет нынешняя пресс-конференция.

Начал ее Никсон. Он поблагодарил принимающую сторону за радушный прием, пошутил, что надеется — не в последний раз видит Кремль изнутри. Доживет до следующего визита, хотя есть куча людей, которые до сих пор мечтают о его безвременной кончине. Чем вызвал ухмылки и хохот в зале. Шелепин же остался невозмутим и в ответном слове заверил, что в СССР его другу Ричарду ничего не грозит, и если понадобится — на его защиту встанет вся мощь Советского Союза. Тут они оба заулыбались, а Никсон даже привстал и хлопнул Шелепина по плечу.

Вообще, Никсон был довольно-таки прост в общении, эдакий селянин-реднек. Тенденция такая, что ли... многие из американских президентов отличались селянской простотой — до абсолютной глупости. Один из них даже спутал Австрию с Австралией. Возможно, что американскому народу именно такие президенты и нравятся — не слишком умные, плоть от плоти этого самого народа.

Я думал над этим — как при таких необразованных, неразвитых, даже, можно сказать, тупых президентах США до сих пор живы? И после размышлений сделал вывод: а от президента не очень-то что и зависит. Политику делает не президент, а его окружение. И конгресс. Вот стал президентом Трамп, и что? Да они его обложили, как волка флажками! Туда пойдешь — смерть. Сюда пойдешь — и тут смерть. Номинальная фигура, дожидаящаяся

конца срока. Ну да, Трамп пытается что-то делать, дергается, но все его усилия идут прахом, ибо рулит демократическое лобби, главный разжигатель войн и революций по всему миру. И они не дадут Трампу сделать ничего позитивного. Только вперед — к войне, к конфронтации, к хаосу и огню.

Никсон, наверное, последний из президентов, которые управляли страной сами, которые принимали решения, противоречащие воле демократического лобби. За то едва и не огреб по полной. И кстати, еще не факт, что вся эта история с покушением на президента США уже закончилась. Приедет домой, выйдет на улицу... и будет его Пэт ловить верхушку черепа мужа, как жена Кеннеди. Все может быть. Бурление в выгребной яме, именуемой властью США, все еще продолжается. Верно сказал Шелепин — у нас Никсону безопаснее, чем у себя дома.

Дальше продолжал выступать Шелепин. Он рассказал, какие договоры были подписаны, что от них ждать, ну и все в этом духе. И самое главное — рассказал про договор о дружбе и сотрудничестве с США, из которого следовало, что мы теперь и в космос вместе полетим, и наукой займемся, и совместные предприятия создадим — что было совершенно невозможно в моем мире в этом самом году. И завершил Шелепин выступление заявлением о том, что холодная война закончена. Навсегда. Мы с США теперь шагаем в будущее вместе, рука об руку, как добрые друзья.

Шелепин и Никсон встали, долго пожимали друг другу руки, позируя перед телекамерами и фотоаппаратами, и фотовспышки залили их всполохами

грозовых молний. Да-а... наделал я делов! Ведь фактически это моих рук дело! В моем прошлом такого договора и близко не было!

Дальше начались вопросы. И первый задал журналист газеты «Правда» (фамилию не помню, а бейджика, как принято в будущем, у него нет):

— Скажите, пожалуйста, товарищ Шелепин, не получится ли так, что мы будем выполнять договоры, а вот США подождут? Как мы их проконтролируем? А они — нас?

Шелепин начал рассказывать о том, какие будут созданы комиссии, а я вдруг подумал о том, что если как следует подать эту новость нашему не очень «прошаренному» народу, то видится натуральная государственная измена. Как так — допустить американцев к ядерному оружию?! Пустить их в святая святых — ядерные хранилища! Хорошо, что советские средства массовой информации под жесточайшим контролем, иначе бы...

Дальше посыпались вопросы о конкретике договоров, на что было сказано, что все договоры будут опубликованы в газете «Правда», так что незачем сейчас тратить на это время. Вкратце — тяжелые ядерные ракеты будут порезаны на металлолом, частично, конечно, ну и запрет на размещение в космосе подобных ракет и другого тяжелого вооружения. Много чего назаклучали. Уверен, были еще и секретные дополнения к договорам, уж не знаю, как они правильно называются — протоколы, что ли... Будь я на месте Шелепина — первым делом договорился бы с США о разделе сферы влияния. Внес бы это секретным протоколом в договор о дружбе и сотрудничестве. Мы влияем на страны

Варшавского блока, на Ближний Восток (частично), на часть Африки, часть Южной Америки. США наложат свою лапу на Европу (без наших стран), Австралию, часть Африки, Южной Америки... ну и так далее. Север и Антарктида общие. Скорее, все это Шелепин и сделал — или я его не знаю. Уж на то пошло — я лично внедрял в головы генсека и Семичастного эту самую мысль о том, что надо договариваться с США и делить мир. Настолько надоел им своими напоминаниями, что Семичастный на меня даже рявкнул: *«Не считай нас глупее себя! Хватит повторять одно и то же! Все уже решается!»* Только тогда я от них отстал и не напоминал при каждой новой встрече.

Кстати сказать, то же самое... примерно то же самое я говорил и Никсону: «Хватит конфронтации! Нужно поделить мир вместе с СССР и не допустить, чтобы поднялся Китай! В противном случае он задушит весь мир в своих мягких объятиях». Никсон внимательно слушал. И вот — результат моих, можно сказать, титанических усилий. Без ложной скромности скажу: если бы не я, такого договора точно бы не было. Никогда и ни за что! И теперь только что-то экстраординарное может заставить страны его разорвать. И буду надеяться, что такого никогда не случится. Кстати, договор *бессрочный!*

Вот для чего я оказался в этом мире. Вот для чего я поднимался на вершину известности, богатства, влияния. Ради нескольких листов бумаги, в которых теперь заключены судьбы мира на десятки, сотни лет вперед!

Ай да я! Ай да Михаил Карпов, писатель средней руки! Нет, все-таки я заслужил свои ордена. Вот

сейчас они перестали давить мне на грудь тяжким грузом. Вот теперь я почувствовал, что поработал хорошо! Гложет вот только душу что-то... не знаю, что со мной. Все идет хорошо, просто замечательно. Может, потому что *слишком* хорошо? Вот были бы какие-нибудь заковыки, что-нибудь бы не получалось — тогда я бы успокоился. А так... слишком уж гладко.

Хотя... только недавно ведь из больницы, чуть башку не снесли — ЭТО гладко? Если это гладко, тогда я не знаю, как с колдобинами. В общем, не знаю я, что со мной. Тяжело на душе. Вроде и радуюсь, и понимаю, что все сделал верно, не ошибся, а сердце щемит. Как перед грозой, когда грозовой фронт толкает перед собой могучий инфразвук, воздействующий на психику человека и заставляющий впадать в тоску. После чего в ужасе люди прыгают за борт корабля и гибнут, отдав свой разум безжалостной Вселенной.

Ладно, хватит! Выбросить из головы всю эту чушь и сосредоточиться на празднике. Ведь это на самом деле праздник! Две державы, которые вот только недавно собирались порвать друг другу глотки, обнимаются и обещают жить дружно, как и положено любящим братьям. И неважно, что на поясе у них висят клинки. Теперь эти клинки в ножнах и рукояти мечей связаны с ними крепким шнуром. Не развязать — только рвать.

Потом был банкет. Огромный зал, где нашлось место нескольким сотням человек. Мы с Ольгой сидели на стороне Шелепина, почти напротив Никсона и первой леди. Ольга великолепна! Ей перед встречей принесли вечернее платье, и похоже, что

от кутюр. Я не разбираюсь в этой хрени, но похоже, что Ольга в ней шарит на раз, потому что она взвизгнула, когда увидела одежку, и, едва дождавшись, когда курьер покинет наш номер, стала напяливать на себя это произведение портняжного искусства. И для того ей пришлось раздеться практически до гола — только узкие трусики типа стрингов, которые не выпирали из-под тонкой шелковой ткани. И которые вместе с чулками лежали в одной из коробок, принесенных этим самым курьером. Кей-Джи-Би ничего не упускает!

Алое платье обтягивало ее как вторая кожа. Разрез на длинном, до пола, подоле бесстыдно открывал изящную ногу в черном чулке и шел едва не до пояса. Низкое декольте (даже на мой взгляд — слишком низкое!) обнажало тронутую загаром грудь, и широкие лямки едва скрывали тугие полушария, норовившие вырваться на свободу.

Кто выбирал это платье — не знаю, интересно было бы поглядеть на этого человека. Честно сказать, я лично такое платье на официальный прием точно бы не... хм... не выбрал. Имею в виду — для своей женщины. Впрочем, я еще тот консерватор, бука, социопат и вообще — толстокожий бегемот. Так сказала Ольга, и она права. Я ничего не понимаю в здешней моде и только лишь могу сказать, что платье подходило Ольге так, будто для нее и было изготовлено. Красное брюнеткам вообще к лицу, а тут... тут совсем уж все в тему. И что значит «будто для нее изготовлено»? Скорее всего, так и есть — без «будто». Знают... все размеры знают, до миллиметра. Такое ощущение, что нас постоянно просвечивают рентгеном. Мы их не видим,

а они нас — да. Подозреваю, что в нашем номере кроме обычной прослушки и видеозаписи еще и ночная видеозапись. Если ее уже изобрели, конечно.

Ольга уже привыкла заниматься сексом под пристальным вниманием спецслужб, а я до сих пор никак не могу сосредоточиться, вспоминая, что сейчас кто-то у магнитофона сидит с наушниками и вслушивается в наши стоны и чмоки. Помню старый криминальный боевик — там в комнату, где ведется подслушка беглого преступника, занимающегося сексом со своей подругой, заходит женщина, подполковник, начальник отдела уголовного розыска. А из микрофона несутся женские стоны, да такие мучительные, такие громкие. И подполковница ошеломленно спрашивает: «Что он с ней делает?! Душит, что ли?!» А лейтенант, едва сдерживаясь от хохота, отвечает: «Он над ней глумится, товарищ полковник!» Вот и я с Ольгой — как подумаю о подслушке, так вспоминаю этот фильм. И не выдерживаю, глупо хихикаю. Ольга как-то сердито спросила: что это такое со мной, что я в самый что ни на есть ответственный момент все порчу глупым «хи-хи». Я ей и рассказал. За что она меня потом ругала — хохоча и требуя забыть и больше не хихикать. Хорошо хоть у меня в квартире не подслушивают — так сказал Семичастный, а я ему верю. Про Кремль мы с ним ничего не говорили.

Итак, Ольга выглядела отпадно, как настоящая западная кинозвезда, я выглядел денди в своем дурацком смокинге, и как минимум половина журналистов фотографировала только нас, что нервировало меня, нелюбителя светских мероприятий.

Жена Никсона тоже была в вечернем платье, но, конечно же, не в таком, как у Ольги, — гораздо проще. На вид. На самом деле оно тоже стоило огромных денег. Но Пэт уже немолода, тем более что первой леди, даже если ей можно было бы похвастаться крепким задом и твердыми грудями, хвастаться этими самыми частями тела не очень-то и пристало. А вот подруге и секретарю известного писателя-фантаста, богача — да сколько угодно. Писатели, они такие — вокруг них всегда вертятся сексуальные красотки. Особенно если у этого самого писателя сотни четыре миллионов долларов на счету.

Да, нищий писатель никому не нужен — кроме кота. Да и тому только для того, чтобы вовремя задавал корм. А когда не вовремя дает, можно его и укусить, чтобы не забывался и знал свое место, раб!

Интересно, зачем Ольгу одели в такой вызывающий наряд? Если не сказать — скандальный. Чья идея? Семичастного или Шелепина? При случае спрошу их — небось не погнушаются ответить. Все-таки это моя сожительница, можно сказать, почти жена.

Хм... жена? Почему-то никогда не представлял ее своей женой. Любовницей, подругой — да. Но женой... Вот Зину — представлял. Можно сказать, даже считал ее гражданской женой. Ниночка? Наверное — да. Молодая, очень красивая, фигуристая — дети от нее должны быть такие же красивые. После того как Зина меня «бортанула», Ниночка была у меня отдушиной, можно сказать, последней любовью... пока не променяла меня на Элвиса Пресли.

Интересно, они еще вместе или им уже надоело кувыркаться? Элвис еще тот ходок — у него на оргиях бывало по несколько десятков девок всех калибров и расцветок. Зачем ему одна русская телка?

Да, во мне говорит досада и горечь. Раньше я бы никогда не назвал Ниночку телкой. А вот теперь — могу! Предательница... хотя бы сказала: «Я от тебя ухожу!» А вот так — тайно, ползать по Элвису как поганая вошь... Не прощу!

Кстати, к Элвису претензий нет, хотя некогда я его едва не прибил на месте. Если бы не Ниночка, прикрывшая его своим обнаженным телом, — точно бы ему не поздоровилось. И плевать мне на то, что он там якобы каратист — я таких каратистов на одном месте вертел! По одному и сразу оптом. Но не бить же бабу, пусть даже и оказавшуюся шлюхой? Женщин я могу бить и даже убивать только в одном случае — если они на меня напали, угрожая моей жизни и моему здоровью. На меня и на другого человека, который точно не заслужил смерти. Ну, к примеру: террористка захватила заложника и держит нож у его горла. Что я буду делать? Да, конечно же, разнесу ей башку выстрелом из винтовки.

Или та же террористка напала на меня с ножом — что мне делать? Убью, не раздумывая. И не стану изображать из себя Зорро и Рембо в одном лице, не стану применять спецприемы и все такое. Я попросту одной рукой придержу ее на небольшом расстоянии, а с другой, от груди, изрешечу злодейку из пистолета. Как и положено на войне. Никаких сантиментов и скидок на гендер и возраст.

Каждый, кто взял в руки оружие и попытался убить другого человека, должен быть готов к тому,

что убьют именно его. Кстати, я встречал в своей жизни таких женщин, которые сто очков вперед дадут многим и многим мужчинам — и в рукопашке, и в практической стрельбе. Потому и воспринимать их нужно как бесполок существ, угрожающих твоей жизни и жизни твоего напарника.

Большая ошибка не воспринимать людей как потенциальную опасность только потому, что они женского пола, — будущее это хорошо показало. Живые бомбы — первой начала Сана Мхейдли, взорвавшаяся вместе с израильскими солдатами в 1985 году. После нее смертницы пошли потоком...

Насколько я помню, израильтяне в конце концов научились бороться с такими смертниками. Они хоронили останки подорвавшихся, завернув их в свиную шкуру. Известно, что, если останки умершего соприкоснулись с плотью поганого животного, не видать ему рая на небесах. Не животному, нет — шахиду. И неважно — сам шахид трогал свинью, или с ней соприкоснулись его останки, — в раю ему не бывать. А тогда зачем весь сыр-бор? Ведь на самом-то деле шахиды не так просто отправляются в мир иной, или на небеса, им предлагается некое вознаграждение: ты взрываешь себя и кучку неверных, а за это получишь вечную сладкую жизнь в раю. Мужчины — девственниц, усиленное питание и вечное здоровье. Женщины... не помню, что именно, но тоже какой-то аналог. Может, сотню девственников? Не интересовался этим вопросом, потому сказать точно не могу. Помню только, как в одной из сур говорится, что разделения на мужской и женский рай не существует. И что все правоверные, будь то мужчина или жен-

щина, равны перед Аллахом и получают все, что хотят. Равноправие!

Я всегда был и буду против терроризма, который угрожает жизням невинных людей. Еще могу понять, когда шахиды идут в гущу солдат и там подрываются — война есть война, — но когда они убивают невинных людей где-нибудь в метро, людей, которые им совсем ничего не сделали... я бы их лично на куски порезал, этих тварей.

Вообще-то это называется «цепочка ассоциаций». Начал я с ножки Ольги, высовывающейся в разрезе шелкового платья, и закончил шахидами, завернутыми в свиные шкуры. Вот как так получилось? Наш мозг очень сложная и непредсказуемая штука... в такие дали иногда заводит меня мысль — сам дивуюсь!

А тем временем меня с Ольгой окружили журналисты, набросившиеся на нас после того, как Ольга попросила проводить ее «попудрить носик». Я осторожно, стараясь не привлекать внимания, покинул свое место, и когда, взяв Ольгу за локоток, отправился туда, где предположительно находилась комната для пудрения носов, — попал в самую что ни на есть настоящую засаду из «акул пера». И эти своего не упустили.

Слава богу, хоть Ольгу выпустили из кольца — после моего окрика и нахмуренных бровей. То ли радоваться этому обстоятельству, то ли печалиться, но журналисты почему-то меня боятся как огня. Неужели думают, что я начну на них бросаться и сворачивать носы набок? Или рожа у меня такая зверская... Ольга говорит, что — нет, не зверская. Брутальная, да, но на злодея я точно не смахиваю.

Глупенькая... настоящие злодеи как раз и выглядят ангельскими ягнятами. Нет у них на физиономии татуировки «маньяк», нет на лицах печати вырождения и сатанинских рогов (хм... за редким исключением). Люди как люди, иногда даже очень милые на первый взгляд. Как тот же Чикатило, которому доверяли подростки. Или как тот гад из «Чергида», которого упокоил я лично. Ох... даже вспоминать не хочется. Слава богу, теперь все эти мрази никого не убьют.

Ольга быстренько удалилась, цокая семисантиметровыми каблуками, а я остался в кругу «акул пера», ожидая самых что ни на есть каверзных вопросов. И они последовали...

— Скажите, господин Карпофф... у вас на груди высшая награда США — за что вы ее получили? И как она сочетается со звездой героя? И почему вас в вашей стране не расстреляли за то, что вы работали на США?

И все вокруг замолчали, вперившись в меня взглядами блестящих и от алкоголя, и от возбуждения глаз. Интересный вопрос, ага... как так? Типа, срезали, да? Эх, ребята... да я начал заниматься казуистикой раньше, чем образовались сперматозоиды, которые оплодотворили яйцеклетку вашей матери! Кого вы хотите поймать? За мной опыт ста лет советской власти! Десятки книг, в которых надо было что-то донести людям, но при этом особо не сболтнуть лишнего! Так что не вам со мной тягаться в словоблудии... ваши флажки я перепрыгиваю с демоническим смехом и радостным воем!

— Прекрасно сочетается. Потому что звезда, как и президентская медаль, дана за одно и то же — за

укрепление мира во всем мире, за способствование установлению дружественных отношений между США и СССР. Хватит войн! Будем заниматься любовью, а не войной!

— Глядя на вашу подругу, точно сбежишь с войны и поволочишься за ее юбкой, — с сарказмом и явной завистью заметил один из журналистов, начинающий лысеть молодой мужчина. — Видимо, она здесь именно для того, чтобы доказать вашу правоту.

— Ну... высказывание не мое, вы это знаете, — ухмыльнулся я, вдруг с удивлением поняв, что, возможно, именно поэтому Ольгу так и нарядили. Мол, русским не до войны, им любовь нужна! Может, и глупо звучит, но... ведь посыл-то поняли. А высказывание мое принадлежало, по одним источникам, Джону Леннону, по другим — некоему социалисту по имени Гершон Легман. И произносили его обычно в отношении войны во Вьетнаме.

— Неважно, чье оно, — кивнул и серьезно ответил журналист, — главное, оно актуально. Вы ведь против вьетнамской войны, господин Карпов?

— Конечно! — не задумываясь ответил я. — Какого черта Штаты забыли во Вьетнаме? Зачем губят людей в войне, в которой заведомо нельзя выиграть? И своих людей, и вьетнамцев! Хорошо хоть, президент Никсон это понимает и намерен прекратить поступление цинковых гробов в города и селения Штатов. Хватит войны! Больше любви!

— Но вы все-таки работали на США, так почему вас не тронули, господин Карпов? Советская власть вас обласкала, засыпала наградами. Почему? Вы работаете в Кей-Джи-Би?

— Конечно, — легко согласился я. — Генерал Кей-Джи-Би! А по мне не видно? Разве не видите, как из-под смокинга у меня вылезает генеральский мундир? (Слушатели захохотали, когда журналист невольно посмотрел на мою штанину.) У нас все писатели работают в Кей-Джи-Би! Я же вам сказал, сэр, я работал на укрепление мира между нашими народами! Моя власть оценила мои заслуги, посчитала их весомыми — хотя я с этим не согласен. Мой вклад очень мал. В отличие от вклада наших руководителей, подписавших такие эпохальные договоры! Мы стоим на пороге великой эпохи, поймите! Если СССР и США объединят свои усилия в преобразовании мира — да кто сможет перед нами устоять! Хватит войны!

— Займемся любовью! — хором подхватили журналисты и захохотали. Тут как раз вернулась ослепительная Ольга, и журналисты переключились на нее:

— Госпожа Ольга, скажите, вы собираетесь выйти замуж за мистера Карпова? — выпалила худенькая девушка в очках с горящими глазами боевой феминистки. — Или он эксплуатирует ваше тело, не собираясь вступить в брак?

Ольга покраснела, поджала губы и, похоже, собралась выдать что-то резкое, а может, даже послать нахалку подальше, но я перехватил инициативу:

— Я за нее отвечу. Эксплуататор (мужчины заулыбались). Ольга свободный человек и делает то, что она хочет. Захочет уйти — может это сделать в любой момент. Если ее устраивает настоящее положение дел — значит... ей это надо. И вообще — наши личные отношения это наше личное дело.

И отвечаю я вам только потому, что вы — женщина, а я уважаю женщин.

— То есть вы признаете, что не собираетесь жениться на своей секретарше? — не унималась девка, и глаза ее хищно блеснули. Ага... тут где-то крючок спрятан! Да где... вот он! Пуританская Америка очень не любит, когда люди из высших кругов (а я уже принадлежу к высшим кругам, это точно) демонстративно отрицают семейные ценности. И я ведь живу с Ольгой во грехе! Можно такую кампанию раздуть против меня... Мне это встанет в копеечку.

— Во-первых, разве я сказал, что мы с Ольгой спим в одной постели? — медленно, глядя в глаза хищнице, спросил я. — Это утверждаете вы. А что, миссис — или мисс? — вы стояли возле нашей постели и держали свечку, когда мы занимались сексом? Рассмотрели в подробностях? Ну не краснейте, что вы... дело-то житейское. Все делают ЭТО (смех в толпе журналистов). Во-вторых, кто вам сказал, что я на ней не женюсь когда-нибудь, если она этого захочет (боковое зрение у меня очень хорошее, чем всегда гордился, и радость Ольги, которую она не смогла скрыть, сразу бросилась мне в глаза). Никогда не говори «никогда»! Как у нас говорят, «человек предполагает, а Бог располагает»! Так что не придумывайте лишнего, мисс... или миссис? Вижу — мисс. Я за семейные ценности, за крепкую семью — где бы она ни была, в СССР или в Штатах. Пока я не готов к браку с кем-то либо, но... никогда не говори... Что?

— Никогда! — выкрикнули несколько голосов сразу, и я засмеялся:

— Точно, господа! Еще вопросы, раз уж вы добрались до моего тела и впились в него своими могучими челюстями?

Хохот, потом мужчина лет пятидесяти со строгой аккуратной прической и темными, умными глазами выступил вперед и спросил:

— Скажите, господа Карпов, почему президент Никсон настоял, чтобы вы присутствовали в советской делегации? Какое отношение вы имеете к генеральному секретарю Шелепину? И зачем вы нужны президенту Никсону?

— Сам удивляюсь! — сокрушенно всплеснул я руками. — На кой черт я здесь нужен? Пить шампанское с икрой? Демонстрировать наряды своего секретаря? (Ольга снова зарделась.) Я никакого отношения к подписанию договоров не имею! Это дело высших властителей, а не простого писателя-фантаста (на «простого» они захохотали). В общем, я тут скучаю, и только мой секретарь Ольга своей красотой скрашивает мне скуку этого мероприятия. А что касается отношений с Шелепиным... да, я с ним ранее встречался. Я его советник по культуре — так что он изредка спрашивает мое мнение по некоторым вопросам культурной жизни СССР и всего мира. Ну а с господином президентом мы просто дружны — он любит спорт, и после моих побед над великим боксером он захотел узнать меня поближе. Мы пообщались и остались довольны друг другом. Зародилась дружба. Опять же, он иногда спрашивает мое мнение о некоторых вопросах в отношении менталитета советских людей. О наших обычаях, о наших традициях. Господин Никсон очень обстоятельный и разносторонне

образованный человек и получает информацию из различных источников, в том числе и от меня. Я ответил на ваш вопрос? Тогда разрешите откланяться, господа! Дама устала стоять, а я должен приступить к своим непосредственным обязанностям — поеданию черной икры и выпиванию шампанского с устрицами. Должен же я как следует подготовиться к эксплуатации тела моего секретаря?

Так под смех толпы журналистов мы и прошествовали к нашим местам подле великих мира сего.

— Что это было? — шепнула мне на ухо Ольга.

— Что именно? — так же шепотом ответил я, наклоняясь к ее уху.

— Потом поговорим! — многообещающим взглядом окинула она меня и уселась за стол.

Но все-таки мне интересно, на кой черт нас так вырядили? Оставив этот вопрос на потом, я снова занялся благородным делом поедания всевозможных вкуснот. А их тут было немерено. Одной только черной икры видов пять или шесть...

Нашего отсутствия или не заметили, или сделали вид, что не заметили (скорее всего). Разговор за столом продолжался — неспешный, вроде бы ни о чем, но... на таком уровне не бывает разговоров «ни о чем». И в таком месте.

Я особо не прислушивался — понял только, что речь шла о Ближнем Востоке, о Ливии, о Сирии и иже с ними. Терроризм, Израиль...

Когда Никсон что-то меня спросил, я плавал мыслями где-то далеко-далеко... рядом с моим Гарри. Пора заканчивать серию, хватит. Остался только эпилог. Врага победили, весь мир в хлам — но можно отстроить. Осталось написать, что у Гарри и его

боевой подруги Гермiony родились близнецы, девочка и мальчик, а у Рона Уизли и Полумны... Вот тут я задумался — может, им двух девонок дать? Или лучше, чтобы оба мальчишки? А прикольно было бы сделать так, чтобы родились тоже мальчик и девочка и в будущем влюбились в близнецов Гарри и Гермiony! Вот была бы хохма! Когда они еще и не двойняшки, а настоящие близнецы, которых с первого взгляда в одинаковой одежде и не отличишь. Это была бы настоящая юмористическая интрига... для будущего продолжения серии. И серия про детей нынешних персонажей называлась бы...

И тут до меня дошло — Никсон обращается ко мне и, видя, что я не отвечаю, улыбается и стучит вилок по бокалу с шампанским. Тут и Ольга подключилась, наступила мне на ногу — и, надо сказать, пребольно наступила! Туфли-то у меня мягкие, сшитые на заказ! А каблук семисантиметровый, им как стилетом убить можно.

— Простите, господин президент! — как можно радушнее откликнулся я, растягивая губы в улыбке. Мне сейчас хотелось врезать Ольге по обтянутой шелком заднице, да так, чтобы взвыла и остался синяк — нельзя же так втыкать свой острый каблук! Соображать ведь надо!

— Извините! — повторил я. — Не расслышал вопроса. В голове вертится сюжет книги, обдумываю, вот и...

— Писатели — они такие... — еще шире улыбнулся Никсон. — Витают где-то в вышине, к нам, простым смертным, и спускаться не хотят! Ничего, Майкл, ничего... я хотел спросить твоего мнения — как провидца, — какова судьба Израиля в недалеком

будущем? Как считаешь, прекратится противостояние арабов и израильтян?

— Господин президент... — задумался я на секунду. — Ну представьте, что на лужайку у Белого дома приехали какие-то люди и объявили, что теперь они тут живут и их не интересует мнение американского народа — жить им тут или нет. Вы бы такое терпели? Нет, конечно. Вы бы взяли их за воротник и выкинули туда, откуда они пришли. Войны на Ближнем Востоке сами собой не прекратятся никогда. Их можно только задавить, заглушить. Вы, например, со стороны Израиля. Не секрет, что без вашей, США, поддержки Израиль существовать бы не смог. Сколько оружия вы им даете? Сколько денег дает еврейская диаспора в США? Но и без СССР войны тоже не прекратить. Мы имеем влияние на арабский мир — до определенной степени, конечно. Вы нажмете, мы нажмем — вот война и закончилась. Вот только кто вам даст это сделать? Оружейное лобби демократов сделает все, чтобы войны продолжались. Пока живы ваши демократы — войны будут всегда. Не мне вам говорить, как это все происходит. Оружие надо куда-то продавать. А зачем оно нужно, если нет войн?

— Я с тобой согласен, Майкл... — серьезно кивнул Никсон, а я про себя подумал, что выступил тут капитаном Очевидность. Что, Никсон сам не знал ситуацию на Ближнем Востоке? И тут же сообразил — это был посыл руководству СССР. Посредством разговора со мной Никсон дал понять руководству СССР, что готов выступить за прекращение ближневосточного конфликта — если СССР тоже внесет свою лепту в общее дело. Зачем ему нужно

влезать в израильские дела? Да кто ж его знает... может, кто-то попросил! Израиль, например. Или могущественная еврейская диаспора США. Гадать можно много, но удочка уже заброшена. Как наши на это отреагируют — я не знаю. Да и неинтересно.

Разговор властителей ушел куда-то в сторону от израильских дел — обсуждали экспорт и импорт пшеницы, а я досадливо про себя поморщился — сбили с мысли. Так что там насчет детей Уизли и Полумны? А Ольге я отомщу сегодня ночью. Как? А придумаю как! Камасутру я помню досконально — еще в 90-е прочитал. Вот и пускай трудится, осваивает, так сказать, позы!

Глава 2

— Ох... — Ольга сбросила с себя простыню и села, опираясь на обе руки. — Слушай... ты маньяк! И где ты этой... хм... премудрости набрался?! Безумие какое-то...

Она посмотрела на меня сквозь длинные ресницы и вдруг улыбнулась:

— А забавно было! Заводит, да. Как-нибудь повторим?

— Как-нибудь! — хмыкнул я, тоже садясь на край кровати. — А я-то думал, ты взвоешь! Это тебе была месть за вчерашний каблучок!

— Я тебя еще сильнее буду пинать, если после каждого раза будет следовать такая ночь мести! — Ольга захохотала, и ее груди подпрыгивали в такт движениям. Потом она откинулась на спину и плюхнулась на кровать, ухватившись за меня руками и глядя снизу вверх глазами, в которых ино-

гда проскальзывала эдакая косоглазость. Бывает у женщин — когда близко смотрят. А еще — у женщин-ведьм. У них время от времени проявляется раскосость.

— Ты женишься на мне? — вдруг серьезным, эдаким грудным голосом спросила Ольга.

— Не знаю... — после паузы ответил я. — Правда, не знаю.

— А чем я тебе плоха? — так же серьезно спросила подруга. — Я красива. Мое тело — как у спортсменки. Я в постели делаю все, что ты просишь и что не просишь — тоже. И мне это нравится. Я тебя люблю и буду любить всегда и никогда не предаю. И я хочу от тебя родить девочку.

— Почему девочку? — не думая спросил я, разглядывая темную прядку волос, прилипшую ко лбу Ольги.

— Так... хочу! — без паузы ответила Ольга. — Сын уже есть, пусть будет еще девочка. Но я и сына тебе рожу, не беспокойся! Сколько хочешь детей, столько и рожу! Хоть целый батальон! Я крепкая, сильная... я смогу! Женись на мне, а? Миш... я без тебя не смогу жить! Моя жизнь только с тобой, и никак иначе! Ты не подумай — мне не деньги твои нужны, мне нужен ты! Можешь их хоть на благотворительность отдать! Мне безразлично! А вот ты не безразличен. Женишься?

— Я же сказал — не знаю! — с ноткой раздражения ответил я, вставая с постели и направляясь в душ. От меня пахло мускусом и потом, как от жеребца после случки. Отмываться — и в путь. Сегодня тяжелый день — последний день пребывания Никсона в СССР. Сегодня мы должны будем прое-

хаться вместе с ним на Красную площадь, на рынок (он сам попросил), погулять по городу, в театр зайти, в музей... Список большой, так что заранее предвкушаю, как будут гудеть ноги в конце дня, когда Никсон все-таки улетит.

Хм... все-таки я засиделся на месте. Довольно-таки давно не тренируюсь, так что... Перед боями с Мухаммедом Али я себя так терзал тренировками, что у меня последний жир вытопился, сухой был, как палка. А теперь точно пару кило набрал...

Не люблю я, когда на меня давят. Даже если это такой близкий мне человек. Моя женщина. Нельзя так резко подсекать мужика... он может и сорваться с крючка! Выпасть в реку и уплыть!

Впрочем — я сам виноват. Приучил ее к простым и откровенным отношениям. Говори что думаешь — и будь что будет. Отношениям между мной и ею. Это с чужими можно и нужно хитрить, умалчивать, говорить двусмысленно и осторожно. А наедине — кого стесняться? Это как в сексе — хочешь чего-то от партнера, так скажи ему откровенно, чего хочешь! Иначе ведь ничего не получишь и будешь потом злиться и на партнера, и на себя! Ах, видите ли, он сам должен догадаться, что тебе ТАК приятно? А вот недогадливый он! Мысли читать не умеет! И боится сделать тебе больно, шокировать тебя! Может, тебе ЭТО неприятно!

Ну, вот и нарвался. Выказалась моя подруга вполне серьезно и откровенно. И я вообще-то ждал этого разговора, и не потому, что вчерашняя феминистка-журналистка послужила, так сказать, катализатором процесса. Нет. Оно все к тому шло. Если ты живешь с женщиной как с настоящей же-

ной, относишься к ней как к жене — так какого черта удивляешься, что она требует штампа в свой и в твой паспорт? Все отговорки вроде «Нам ведь и так хорошо!» выеденного яйца не стоят.

Может, и правда жениться? Нет, ну а что делать? Жена в другом мире? Так вполне вероятно, что мы там и не женаты. Запросто ведь. Я так изменил мир, что многие из тех, кто должен родиться, теперь не родятся. И наоборот — появляются другие люди, которых не было в моей истории. Все, все меняется! Покруче, чем после того, как некто в далеком прошлом раздавил бабочку.

Ну вот представить — я изменил будущее, и в результате некий парень, вместо того чтобы пойти учиться на инженера, пошел в морское училище. Отучился и, однажды заглянув в магазин, столкнулся с девушкой. Девушка эта всю жизнь (насколько я знаю) питала страсть к мужчинам в красивых морских мундирах. Нет, никакого разврата — просто таранилась на морских офицеров и мечтала о великой любви одного из них. К ней любви, конечно. А попался ей здоровенный, битый жизнью и пропахший порохом спецназовец...

Ну так вот: встретила моя тогда еще не жена этого молодого лейтенанта, столкнулась с ним... и... ах! Покатились по полу мандарины, и загорелась великая любовь. Познакомились парень и девушка и поженились. А спецназовец остался с носом. Простуженным, сопливым от лежания на сырой земле носом. А все потому, что он же, этот чертов спецназовец, в прошлом изменил течение истории, и в результате парень оказался не на заводе, а на эсминце. Или крейсере. Или... да какая разница

где — главное, что женат теперь на моей будущей жене.

Муторно от этой мысли... ведь тогда и дочка моя не родится. А может, и родится — только не от меня. Не будет маленького домика на краю города, где мы так уютно отгородились от всего мира. Даже котов наших и тех не будет. Или будут — но не наши. Не мои, это точно.

Почему тогда я помню свою жизнь — жену, дочку и то, что теперь не сбудется? Парадокс ведь! А нет никакого парадокса. Провидение не допускает парадоксов. Для него нет ничего невозможного. Оставило мне память — иначе как работать? Я самоподдерживающаяся, закапсулировавшаяся система, на которую трудно воздействовать извне. Только само Провидение может меня уничтожить — потому что знает, как это сделать. А я... я даже не смогу покончить самоубийством — при одной мысли об этом у меня леденеют руки и включается сирена: «Нельзя! Аларм!»

Да, были у меня такие дурацкие мысли — покончить со всем, если уж совсем все надоест. И я едва не задохнулся от тошноты и головной боли — как тогда, когда слишком близко подошел к порталу и была опасность свалиться в него и отправиться в свой мир.

Итак — я вне времени, вне истории. Эдакий Вечный Жид, который шастает по миру неприкаянный, и нет ему, не будет ему покоя.

Ладно. Допустим, жена моя законная — та, что осталась в будущем, — уже не жена. А Зина? Зина как? Вот с ней у меня были мысли о женитьбе... Я ведь искренне был в нее влюблен. Или благода-

рен? Как отличить любовь от благодарности? Она выгнала меня из больницы, дала мне приют, дала свою любовь. И возможно, что я свое чувство благодарности принял за любовь? Хотел облагодетельствовать увядающую женщину? Дать ей последний шанс обрести любовь?

Сейчас, по прошествии времени, мне кажется, что все так и обстоит. Кстати — по-моему, Зина это поняла. Она ведь умнейшая баба. И не просто баба — профессор, доктор наук! Психолог и психиатр. Я для нее — как открытая книга.

И вот еще что... иногда я задумывался, а не зря ли позволял Зине копать у себя в мозгу? С ее-то методиками «промывания» мозга! Она походя, можно сказать, легко устроила мне абсолютную память. А если при этом вложила в голову мысль о том, что я ее, Зину, люблю и просто-таки обожаю? Что хочу на ней жениться? Может, потому она меня и отпихнула от себя. Не очень-то приятно осознавать, что твой муж на самом деле раб, которого ты «приворожила» совершенно бесстыдным образом. Без его к тому согласия. Мне вот лично, если бы я устроил такое безобразие, было бы мучительно стыдно видеть то, как моя женщина ластится ко мне, выказывая свою любовь, а любви-то и нет. Есть промывание мозгов самого высокого класса. На уровне профессора, доктора наук, психиатра.

Впрочем, возможно, что это опять моя паранойя. Напридумаю — и сам в это верю. Но тогда подойду к делу с практической, приземленной точки зрения. Зина сейчас где? В будущем. В другом мире. И рассчитываю на то, что она там исцелится от рака. Но исцелится ли? Это я тут закапсулированный Вечный

Жид. А она? Может, у нее ничего и не получится? Узнаю только через год. Вернее — уже поменьше чем через год. Если все нормально — Настя должна вернуться в свой мир, в 1973 год. И вот тогда я все точно узнаю.

Кстати, тоже по воде вилами писано. А с какой стати она должна захотеть сюда вернуться? Красивая молодая баба — да она в будущем тут же себе отхватит богатого мужика, и плевать ей на мир, где нет интернета, где нельзя просто так поехать за границу отдохнуть и где кондиционерами владеют полпроцента людей по всей великой стране. А то и того меньше.

Итак, что я имею? Две женщины, одна из которых некогда меня приворожила (наверное!), а теперь при смерти, и неизвестно, жива или нет. Вторая — вроде как в меня влюблена, но... я в нее — нет. Хотя и были эдакие сексуальные позывы... нельзя удержаться от «пошлых» мыслей, когда видишь Настю — особенно если она в домашнем коротком халатике или в шортах. Или в прозрачной ночнушке — она ведь у меня в квартире жила, так что насмотрелся *всякой* Насти. Только что спинку в душе ей не тер.

Ну и моя любимая, но теперь недосыгаемая жена, которая, скорее всего, уже мне и не жена. И никогда ею не будет.

Вот такой расклад — на одной чашке весов. И на другой — Ольга. Верная и любвеобильная. И готовая ради меня на все. Так какого черта я думаю? И правда что — пожениться, да и дело с концом. Сделать ребенка, и не одного, и жить-поживать, добра наживать. Так все сказки заканчиваются.

Даже если Зина вернется молодой и здоровой — не будет у нас нормальной жизни. Ведь помню я, как она меня отбросила, выкинула из своей жизни. И параноя не даст мне забыть того, как Зина ковырялась у меня в мозгах.

Да, кроме Ольги, вариантов больше нет. Отправим Никсона, и сообщу ей радостное известие. Пусть будет сюрпризом. Куплю кольцо — здоровенное такое, с бриллиантом, тысяч за десять. Или за двадцать. И подарю где-нибудь в ресторане, встав на одно колено.

М-да... что-то меня едва не затошнило от такого пафоса и банальщины. И вспомнилось, как один идиот дооригинальничался. Чтобы сделать девушке предложение, он запек кольцо в пирожное и ей поддал. Дурочка хватанула кусочек... в общем — пары передних зубов как не бывало. Скандал! Какая тут, на хрен, женитьба? С таким-то идиотом...

Итак, резюме: что другого выхода нет, как жениться на Ольге? Похоже, что — да. На том и порешим. Ну не люблю я ее так, как свою... будущую? Бывшую? В общем, как свою единственную жену. Ну и что? Ольгиной любви хватит на нас обоих. Да и я уже не мальчик, чтобы влюбляться — как в омут головой.

Из душа вышел спокойный, как удав, заглотивший аллигатора. Хорошо, когда решение находится и оно, по большому счету, вполне приемлемо. Кто-то бы сказал: зачем вообще жениться? Можно ведь жить и без «ячейки общества». Но я с такой постановкой вопроса не согласен. Семья — это святое. Это место, где тебя всегда ждут, где тебе всегда рады и где тебя никогда не предадут. По крайней мере —

так было у меня. И потому потеря семьи для меня очень горька.

Я позвонил по телефону, пока Ольга плескалась в ванной комнате, и попросил принести нам завтрак. На что получил мягкий, но непреклонный ответ:

— Извините, вы завтракаете с президентом Никсоном и его женой. Они просили вас прибыть в их апартаменты к девяти часам вместе с... своим секретарем.

Мне показалось или мужчина на том конце провода сделал паузу после «с»? Вроде как подбирал определение женщине, которая спит со мной в одной постели. Юмор такой? «Кровавая гэбня» шутит? Так и вижу, как этот мужик на той стороне саркастически улыбается.

Ладно-ладно! Завидууй! Небось твоя баба в постели лежит, как бревно, только сопит в две дырочки, вот ты и завидуешь этому урагану страстей! Интересно, насколько Ольга изображает оргазм и насколько она и правда получает удовольствие от всех моих этих штучек. До встречи со мной девушка не была такой... хм... развитой в вопросах секса! Интернета-то здесь нет! Но я над этим вопросом уже думаю... нет, не над сексом. Над созданием интернета.

Посмотрел на свои часы — опа! Осталось-то полчаса! Пошел к двери ванной, постучал:

— Оль... поторапливайся! Сказали — мы с Никсонами завтракаем! Через полчаса надо уже быть там!

Ольга ойкнула, вода перестала течь, и через несколько секунд дверь распахнулась, и Ольга выскочила из ванной, как была — голышом, вытирая полотенцем мокрые волосы.

— Они что, раньше сказать не могли! — Голос ее был очень рассерженным. Видать, вложила в него все разочарование от моего отказа жениться на ней, и вообще — настроение не очень хорошее.

Собралась за десять минут — основное время заняла сушка волос, благо что фен здесь имелся — непривычный для меня, здоровенный, хромированный, блестящий — и волосы у Ольги короткие. Иначе бы точно не успела.

Надела брючный костюм из бежевой ткани, под него блузку с кружевным стоячим воротником. Получилось очень достойно. Ну и накружилась — тоже много времени не заняло. На ноги — мягкие туфли на низком каблуке, практически кроссовки. Это и понятно — мы с Никсонами должны сегодня шастать по городу, на семисантиметровых каблуках особо не пошастаеть!

Ну а я как обычно — светлые штаны, мягкие туфли. Рубашку надел с длинными рукавами — на предплечье разместил узкий обоюдоострый нож наподобие тех, что носят аквалангисты. Скорее всего, он не понадобится, но... пусть будет. Пистолет взять не разрешили, а про нож никто ничего не говорил!

В задний карман — бумажник с правами и небольшой суммой денег — мало ли... без документов в моем времени и в сортир ходить не рекомендуется. Здесь другое время, но рефлекс уже закреплен навечно. Все, я тоже готов.

И в дверь постучали. Точно в тот момент, когда я сказал, что готов. Или это Ольга сказала, что готова? Да какая разница... готовы, да и все тут.

Провожатый довел нас до дверей на третьем этаже, стражи в коридоре (и наши, и из службы пре-

зидента) даже не сделали попытки нас остановить и что-то там проверить. Документы, например. Похоже, что нас прекрасно все знали и было четкое указание пропускать, не создавая помех. Ну что же... это радует. Каждый раз доставать бумажник не хочется. Опять же, немного опасался, что начнут обыскивать и обнаружат нож у меня на предплечье. Какотреагируют в этом случае — я не знаю. Скорее всего, ничего неприятного не будет — попросят снять и передать им для ответственного хранения. По-моему, даже идиот не предположит, что мы идем на завтрак к президенту, чтобы его уколошить. Хотя... идиоты всякие бывают.

Провожатый постучал, вошел и тут же вышел, оставив дверь открытой:

— Пожалуйста, товарищи! Вас ожидают!

Да, апартаменты президента покруче наших. Побольше, это точно. Да и побогаче — мебель антикварная, картин на стенах больше. Да это и понятно — кто он, а кто я. Вот стану президентом США — и мне будут такие апартаменты предоставлять. Только зачем они нужны? Я не сторонник безумной роскоши а-ля олигарх Брынцалов — это он построил дом, в котором жить нормальному человеку не хочется. Эдакую золотую шкатулку, в которой ходить можно только в войлочных туфлях, чтобы не повредить драгоценный паркет. И ничего нельзя трогать. Мне достаточно добротной виллы на берегу моря, яхты, катера. Еще бы неплохо небольшой вертолет... Кстати, почему я не задумывался о том, что могу купить вертолет? А я ведь могу! Теперь — могу!

Ха-ха... вот куда завела цепочка ассоциаций! До вертолета и дальше, к личному самолету! А может, и большую яхту, как у шейха? Тьфу, черт! Не о том я думаю!

Да, не о том. Думать надо — не опростоволовиться, когда стану завтракать с Никсонами. Ведь явно хочет мне что-то сказать, о чем-то поговорить. И это при том, что прекрасно знает — все разговоры здесь прослушиваются. И глупо было бы, если бы иначе.

Стол накрыт скромно (относительно скромно!), в эдаком русско-американском стиле. Бутерброды с сервелатом, окороком, красной и царской рыбой соседствуют с вазочками, где розовеет, краснеет и фиолетовеет (если можно так сказать) несколько сортов варенья. Свежеиспеченные булочки источают аппетитный запах печева, и от этого запаха у меня вдруг потекли слюни — есть захотел. Ночка бурная была, да и организм мой постоянно требует питания, обмен веществ у меня, наверное, в несколько раз быстрее, чем у нормального человека. Иначе откуда эта скорость и сила? Ничего так просто не дается...

Никсон в рубашке с галстуком, в серых брюках и полуботинках, Пэт — в светлой юбке и светлой блузке со стоячим воротником. Оба элегантные и... одновременно какие-то домашние. Может, потому так кажется, что Ричард без пиджака?

— Привет, Майкл! — широко улыбнулся президент. — Ольга, привет!

— Привет, Майкл! Привет, милочка! — Пэт, как завзятая Ольгина подружка, коснулась ее щекой, типа, поцеловала и повела за стол. А мы с Ричардом

пошли к окну — он поманил меня, спросив, перенесу ли я дым из его трубки. Я заверил, что перенесу, и мы остановились возле открытого окна, глядящего на бульжную мостовую кремлевской территории. Никсон раскурил свою трубку и глубоко затянулся, глядя вдаль, туда, где виднелись красные зубья кремлевской стены.

— Майкл, — нарушил он тишину, — скажи честно... ты решил остаться в Союзе?

— Хм... — От неожиданности я не нашелся что ответить, затем усмехнулся: — Нет, Ричард, хотя Союз навсегда останется моим домом, моей родиной. Я намерен жить и в США, и где-нибудь на Мальдивах. И в Англии, если что — там у меня свой замок, который ушлые юристы выдрали из лап букмекеров. А почему у тебя сложилось такое впечатление?

— Да вот как-то сложилось, — туманно пояснил он. — Мне кажется, что тебя не выпускают из Союза. Это не так? Подожди, не отвечай. Я вижу, что тебя наградили высшими наградами, дали хорошую квартиру — да-да, я знаю! Построили тебе дачу... дали Ленинскую премию. Сделали все, чтобы компенсировать тебе потерю свободы. Это так?

— Нет, не так! — не задумываясь ответил я, внутренне ухмыляясь. Вот сейчас у магнитофонов напряглись компетентные люди! Вот сейчас они конспектируют наш разговор! У них небось волосы встали дыбом от таких высказываний президента!

— Меня попросили помочь советами, а еще — помочь встретить тебя. Как только ты уедешь, я через некоторое время, короткое время, завершив свои дела, приеду в США. Мне нужно сняться

в фильме по моей книге, нужно разобраться с моими финансами — честно сказать, я даже не знаю точно, какие у меня активы и какие пассивы.

— Ну, тут секретов нет, — усмехнулся президент. — Плюс-минус несколько десятков миллионов долларов, ты почти миллиардер. И состояние продолжает расти. Твой партнер Страус работает не покладая рук — по твоим сценариям. И фильм по твоей книге начал триумфальное шествие по планете — первая серия пошла в прокат уже вчера. Разве не слышал? Самая громкая премьера сезона! Газеты просто взорвались статьями! Предвкушаю посмотреть этот фильм по приезде домой.

— Вот как? — искренне удивился я. — Уже в прокате? Впрочем, почему бы и нет... уже давно снимают.

— Уже отсняли три серии. Первая пошла в прокат. Как только снимут сливки — пойдет вторая. Ну а тебе — прибыль. Книжки печатают — как пирожки пекут. Одна из типографий только на тебя и работает. Страус бегаёт весь в мыле, как загнанная лошадь. Так что тебе лучше побыстрее вернуться... домой.

— Домой? — усмехнулся я.

— Да, домой. Ты американский гражданин, у тебя вилла на берегу океана, дом возле Нью-Йорка, бизнес. Штаты тебя ждут, гражданин США! Ты нужен стране!

— Зачем? Зачем я ей нужен? — насторожился я. Вот, видимо, и началось то, ради чего Никсон меня позвал на завтрак. Не ради совместного поглощения пищи, это точно.

— Ты гениальный предсказатель, — просто и без обиняков сказал Никсон, повернувшись ко мне

и посмотрев в глаза. — Мне иногда нужны твои советы. И еще — я знаю, что ты не ударишь в спину. Я и жив сейчас только благодаря тебе. Если бы не твое предвидение...

Черт! Зачем он это болтает?! Знает ведь, что слушают! И какого черта тогда?! Как будто нарочно троллит моих кураторов! Не понимаю! Ей-ей, не понимаю этих политиков-болтунов!

— Я ничего тебе такого не говорил! — перебил я Никсона довольно-таки резко. — Только предупредил, что в твоём окружении есть предатели. Вот и все. А остальное ты сделал сам. Моей заслуги в этом нет, не преувеличивай! Что касается предсказаний... понимаешь, какое дело, Ричард... чем больше я предсказываю, тем больше мои предсказания имеют шанс не сбыться. Реальность меняется. И я уже не могу предсказывать. Потому... толка от меня будет тебе немного. Хотя я готов, да, готов помочь тебе, чем могу!

Никсон улыбнулся уголками губ и вдруг прикоснулся пальцем к уху и подмигнул: мол, я все понимаю! Слушают!

— Я могу попросить руководство твоей страны отпустить тебя со мной. Полетим в моем самолете. Ты и твоя подруга. Если все так, как ты говоришь, и ты выполнил свою миссию в стране — так что тебе мешает полететь со мной? Ты свободный человек — вот и... вперед! Лети делать бизнес!

— Вы улетаете завтра утром? Хорошо. Позволь мне немного подумать — до завтра. Вечером или завтра утром я дам тебе ответ.

Никсон медленно, после паузы, кивнул и, выбив трубку в пепельницу, предложил:

— Позавтракаем? Сегодня будет тяжелый день — много ходьбы, много впечатлений. Нужно хорошенько подкрепиться.

— Позавтракаем... — эхом откликнулся я, и мы неспешно проследовали в гостевую комнату.

* * *

Первое место, в которое мы отправились, — это Красная площадь. Само собой, туда — рядом ведь с Кремлем. Вышел из ворот, и вот она!

Ну... не вышли мы, а выехали, но какая разница? Потом все-таки пешком! Перед Мавзолеем Ленина если и ездят машины, то только на параде.

Площадь полна народа — поодиночке, парами, семьями с детьми — люди улыбаются, машут! Сотрудники КГБ. Да, да — это сотрудники КГБ! ВСЯ ПЛОЩАДЬ ими заполнена! Откуда знаю? Да оттуда же — из своего мира. Знаю, что и как делалось во время визита Никсона в СССР. Перекрыли доступ на площадь простым гражданам, и по ней нормально прогуливались сотрудники КГБ в одиночку и с семьями. И сомневаюсь, что Семичастный с Шелепиным поступили иначе. Вернее, уверен, что история повторилась. И это нормально. Я бы точно так же все сделал — рисковать нельзя.

Кстати — дурацкая идея поехать на рынок. Вот там ты никак и ничего не оцепишь. Все, что можно сделать, — это напихать своих людей во все возможные подозрительные места и расставить снайперов по всем крышам. И кто это все придумал? Зачем Никсону на рынок?

Но не мне выбирать маршрут американского президента. Меня ни о чем и не спрашивали — про-

сто я садился в лимузин вместе с четой Никсонов (с Ольгой вместе, это уж само собой) и ехал до следующего места высадки, по дороге отвечая на вопросы президентской четы.

А они спрашивали обо всем. О людях, которых видели за окном. Об очереди к квасной бочке. Об автоматах с газированной водой, к которым тоже стояли небольшие очереди. О фонтане, в котором купались детишки, визжа и хохоча, как ненормальные. Я даже улыбнулся, вспомнив, как вот так же когда-то ползал в теплой воде фонтана возле Института геологии и геофизики, а мама терпеливо ждала меня, держа в руках мою матроску с отложным воротничком. На душе стало грустно и светло...

Никсон не понял, почему я улыбаюсь, решил, что меня развеселили прыгающие в струях воды детишки, и тоже улыбнулся, сказал, что в такую жару он и сам бы с удовольствием попрыгал рядом с этими детьми. Однако не может — мировая общественность не поймет его шагов, а оппозиция тут же упрячет в психушку, из которой он не выйдет никогда и ни за что.

Они с Пэт весело захохотали, мы с Ольгой их поддержали — я представил, как Никсон скачет в струях фонтана в галстук, в подтяжках, в блестящих ботинках, и это было бы правда смешное зрелище.

Наконец мы подъехали к рынку — Черемушкинскому рынку. Я не знаю, почему именно к Черемушкинскому. И в моей истории Никсона тянуло именно сюда. Здесь ему старушка, торгующая семечками, дала бесплатно пакетик семечек и сказала, что ее

трое сыновей погибли на войне. И попросила: «Сделайте так, чтобы войн больше не было!»

Нет, эта старушка не была подставной. Известная история. Никсон тогда отменил поход в Большой театр, ходил с пакетиком семечек в руке и о чем-то думал. А потом напился до беспамятства. Не знаю, что там у него делалось в голове в тот момент, но уверен в одном — его зацепило. А раз зацепило — неплохой человек этот тридцать седьмой президент США. Не зря я его спас.

Так что есть, наверное, что-то такое в Черемушкинском рынке, раз тянет туда человека, способного повлиять не только на свою страну, но и на весь мир. В моем времени уже нет Черемушкинского рынка. Вернее, оно есть, само здание рынка, а вот рынка там нет. Вместо него — стрип-клуб. Или будет стрип-клуб. Новые владельцы рынка в 2018 году его еще перестраивали под клуб...

Вот здесь уже никак не заменить всех прохожих на сотрудников КГБ. При всем желании не получится. Конечно, можно часть из них внедрить в якобы службу продавцов — подручные мясников, торговцев овощами и так далее. Да и точно внедрили — вон один, неловко рубит тушу огромным мясным топором, достойным плахи палача. Но очень уж так неловко рубит... видно, что мясницкий топор взял в руки совсем уж недавно.

Или вон тот парень в слишком чистом халате, зачем-то перекладывает овощи из одного ящика в другой. Медленно, по одной, берет луковицы и перекладывает... перекладывает... и усиленно не смотрит по сторонам. Очень уж занят делом, нет ему дела до делегации, которая зачем-то забрела на

этот рынок. И Никсона он точно никогда не видел по телевизору, и вообще ему ничего не интересно, кроме поганого гнилого лука, попавшего в соседство к здоровым луковицам. Вот только глаз косит на сторону...

А вообще — не нравится мне здесь. Закрытое пространство, два выхода, которые легко перекрыть и устроить здесь бойню. Терпеть не могу такие помещения! Лучше бы на открытом воздухе. Хотя... не лучше. Конечно, тут нет ни «Орсис Т-5000» с патронами 338-го калибра Лапуа Магнум (у меня такая была), нет даже «эсвэдэшек» — они только-только пошли в армию. Но та же «СВТ», прообраз «СВД», метров на пятьсот — восемьсот завалит как нечего делать. Или трехлинейка Мосина с оптическим прицелом — они продаются и в двухтысячные годы. Лягается, как лошадь, но оленя пробивает вдоль. Мощнейшая штука. И дешевая. И кстати, кто мешает тому же КГБ приобрести зарубежные снайперские винтовки?

Хм... впрочем, какие у них сейчас снайперские винтовки? Только «М21», убогая, хуже нашей «СВТ» и уж тем более «СВД». Не появились еще мощные дальнобойные снайперские винтовки, не изобрели их. Может, и есть какие-то частные модели, но мне о них неизвестно. Когда я изучал оружие потенциального противника, запомнил, что НАТО использует в качестве снайперской винтовки именно «М21» со снайперским прицелом, полуавтоматическую винтовку, переделанную из базовой армейской «М14», древней, как окаменевшее дерьмо мамонта. Только в середине восьмидесятых сделают более-менее приемлемую винтовку «М24», опять

же, производное от «M21». Это в мое время выбор снайперских винтовок просто огромен и мощность их выросла на порядки. Сейчас — обычный патрон 7.62, как у «мосинки», как у «калаша».

Обвел глазами балконы — вроде заметил снайперов, но не уверен, что это они. Может, просто наблюдатели? Ага... наблюдатели с СВД.

Опять — неприятное ощущение, будто кто-то опасный, ненавидящий, смотрит мне в спину. Целит мне в спину! Я снайпер, я чувствую это! Иначе просто не смог бы выжить. Уходить отсюда надо. Плохое место!

Я двигаюсь в сторону охраны Никсона (шел чуть позади Шелепина и Никсона, о чем-то оживленно беседующих) и вдруг замечаю, как из-за прилавка в проход вышла женщина, можно сказать, девушка — бледная, с широко раскрытыми глазами. В руках у нее овощной ящик, и, видимо, довольно-таки тяжелый, потому что несет она его с трудом, едва переставляя ноги. Наперерез ей тут же пошел охранник Никсона — высоченный квадратный парень с армейской прической. До девушки довольно-таки далеко, но я теперь вижу, как в юности, а может, и лучше. Симпатичная девица, лет двадцати от роду, не больше. Лицо тонкое, можно даже сказать, интеллигентное. На голове косынка. Эдакая комсомолка с плаката двухтысячных «под старину».

До девушки метров пятьдесят, охранник идет небыстро, посередине прохода между прилавками. Секунд через десять они встретятся... и тут я замечаю, что девушка ускорила шаг и почти что перешла на бег. И картинка сложилась.

Я с криком «Ложись!» бросился вперед, за отпущенные мне мгновения соображая, кого мне защищать — то ли своих, Шелепина с Семичастным, то ли Никсона, но первое, что сделал, — сбил с ног Ольгу, которая, естественно, ничего не поняла. Как, впрочем, и все остальные.

Ольгу сбил подсечкой, она еще падала, вытаращив глаза и раскинув руки, а я уже несся вперед, выжимая из своего организма все, на что он был способен. Время замедлилось — я видел, как охранник возле Никсона, шедший чуть позади и слева от него, медленно обернулся на мой крик — и бросок, и почему-то потянул из кобуры пистолет. Зачем он это делает, времени сообразить не было. По дороге срубаю Семичастного — такой же подсечкой, как и Ольгу, и огромным скачком прыгаю к двум самым могущественным лицам в двух самых могущественных странах мира. Они тоже начали оглядываться на крик, но мне было уже не до них. Охранник успел-таки выдернуть пистолет, и первая пуля рванула рукав моей рубашки — я успел уйти с вектора выстрела. Вторая пуля «двочки» ушла вверх, в потолок. И я вырубил охранника классическим крюком справа. А потом прыгнул на президента с его женой и генерального секретаря и всей своей стокилограммовой тушей сбил их с ног, впечатывая в грязный пол рынка.

И тогда бабахнуло. Так бабахнуло, что я на несколько секунд полностью потерял ориентацию в пространстве и перестал слышать.

Когда очнулся, сбросив с себя тошнотную одурь, первое, что ощутил, — это запах. Запах сгоревшего тротила. Я знаю его, этот запах — едкий, вонючий.